

К. В. Злоказов

Санкт-Петербург, Россия

Т. И. Колмыкова, Е. А. Рыбьякова, Р. И. Степанов
Екатеринбург, Россия**ВОСПРИЯТИЕ ЧИТАТЕЛЕМ УГРОЗЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

АННОТАЦИЯ. В предлагаемой работе с теоретической и экспериментальной частью рассматривается проблема восприятия читателем угрозы в информационном пространстве. Показано, что угроза является актом речевой манипуляции и нередко нацелена на оказание воздействия на читателя с целью изменения его модели поведения. В работе обсуждаются процедура и результаты экспериментального исследования, в котором испытуемым предъявлялись три информационных сообщения с угрозами здоровью, потери социального статуса, репутации. Испытуемыми являлись 70 студентов (52 % — мужчины, $M = 20$, $\sigma = 1,1$). Изучалась точность восприятия угрозы, в том числе понимания ее смысла, оценивались эмоции, возникающие в ответ на угрозу.

Результаты показывают, что восприятие разных угроз не является тождественным и определяется двумя группами моделирующих переменных. Они влияют на точность восприятия угрозы и образ совладающего с угрозой поведения. Первая группа переменных определяется социально-культурными особенностями испытуемых, их полом и возрастом. Она влияет на большую подверженность репутационным угрозам у девушек, большую негативную оценку угрозам здоровью и социальному статусу у юношей. Вторая группа переменных определяется эмоциями. Установлено, что угрозы здоровью воспринимаются точнее, если сопровождаются страхом, риск социальному статусу сочетается с гневом и печалью, угрозы репутации воспринимаются точнее и адекватнее, если человек находится в нейтральном, уравновешенном состоянии.

Наконец, определено, что распространенной моделью поведения в ответ на угрозу выступает поиск информации об угрозе, причинах ее возникновения, потенциальной реализуемости. Важную роль в формировании образа поведения играют сила эмоции и ее модальность. Позитивные эмоции способствуют конструктивному, совладающему поведению, а негативные — реконструктивному, поисковому.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационные угрозы; информационное пространство; восприятие информации; негативное воздействие; модели поведения; экспериментальные исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общей психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург); 198515, Россия, Санкт-Петербург, Стрельна, Санкт-Петербургское шоссе, д. 17; e-mail: zkrivit@yandex.ru.

Колмыкова Татьяна Ильинична, курсант факультета подготовки следователей, Уральский юридический институт МВД России; 620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: t.colmykova@yandex.ru.

Рыбьякова Екатерина Алексеевна, курсант факультета подготовки следователей, Уральский юридический институт МВД России; 620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: katya.gubyakova@mail.ru.

Степанов Роман Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики, Уральский юридический институт МВД России; 620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: ramanist89@mail.ru.

Окружающее человека информационное пространство растет с каждым годом. Информация производится во все больших объемах: последние двадцать лет радио и телевидению успешно составляют конкуренцию интернет-источники информации. Интернет-аудитория растет взрывными темпами [Дружинин 2016]: 70 % граждан России в возрасте от 18 лет и старше пользуются Интернетом, среди молодежи 16—29 лет лица, использующие Интернет, к настоящему времени составляют 97 % [Ардавов 2016].

Изменяется не только количественный, но и качественный вид информации в сети Интернет. Она упрощается по содержанию, визуализируется, содержит больше элементов, привлекающих внимание читателя. Производители информации прямо заинтересованы в визуальности и эмоциональности формы, поскольку зависят от количества читательской аудитории [Маркетинг в социальных медиа 2013]. В этих условиях усиливается проблема достоверности сведений,

ведь получение зрителем ангажированной, рекламной, фейковой информации влечет за собой принятие неверных решений, риск стать жертвой мошенничества [Казанцев, Згадзай 2011].

Помимо роста информации, наблюдается изменение способов ее воспроизводства и представления. Это наиболее заметно проявляется в поведении аудитории. Позиция зрителя становится активной — человек сам выбирает источники информации, форму ее подачи [Куракин 2016]. Поэтому производители информации в сети Интернет стремятся привлечь внимание читателя. Для этого используются знания о психологии читателя.

Известно, что при выборе информации более актуальной становится та, что прямо связана с удовлетворением жизненных потребностей человека. Сообщение об опасности, потенциальной угрозе привлекает внимание читателя в большей степени и будет с большей долей вероятности прочита-

но, нежели сообщение, не содержащее такой информации. Информация о возможности подвергнуться заболеванию, лишиться социальных льгот, положения в обществе, быть обманутым близким человеком надежно приковывает к себе внимание зрителя.

Нередко угрозы здоровью, социальному положению или межличностным отношениям используются для управления поведением человека и выступают одной из форм манипуляции при мошенничестве в сети Интернет [Никитина 2010]. При этом возбуждение страха производится целенаправленно, для того чтобы повлиять на принятие решений человеком, например затормозить или ускорить решение либо склонить его в пользу конкретного варианта действий.

В свете этих соображений изучение влияния угроз в информационном пространстве на читателя становится важным с научной и прикладной точек зрения.

В научной публицистике проблеме угрозы посвящено множество лингвистических, социально-психологических исследований. Согласно наиболее общему описанию, угроза представляется как разновидность речевого воздействия [Быстров 2001], нацеленная на формирование чувства страха [Melov, Mohandie, Green 2008], изменение социального поведения [Frauser 1975] или социального статуса субъекта, который ей подвергается [Bourdieu 1991]. Угроза разделяется на реализуемую и нереализуемую (псевдоугрозу), цель которой — манипуляция поведением. Прослеживаются две линии исследований угрозы: одна концентрируется на оценке реалистичности — реализуемости, вторая оценивает влияние угрозы на поведение жертвы. Оба направления имеют прикладной характер, поскольку позволяют прогнозировать риск угрозы, например при сообщении в полицию о террористическом акте [Злоказов, Рыбьякова, Степанов 2016], определять характеристики анонимного лица. С другой стороны, влияние на жертву выступает предметом судебной экспертизы личности и поведения преступника и жертвы. Несмотря на важность исследований восприятия угрозы человеком, в отечественной научной литературе оно представлено в виде социологических исследований представлений человека об угрозах качеству жизни, рисков, связанных с социально-экономическим положением, преступностью, политикой и прочим.

Психолингвистические исследования восприятия угрозы представлены в основном в зарубежных работах и выполнены на материале анонимных звонков. Анализ переживаний жертвы проводится посредством опи-

сания негативных эмоций, а формирование представлений об угрозе находится вне зоны исследовательских интересов. Наше исследование направлено на восполнение этих пробелов. Его цель — описать восприятие угрозы, поступающей из СМИ, очертить факторы, влияющие на формирование представления об угрозе и моделирование поведения, связанного с ее совладанием. Мы полагаем, что установление отношений между информацией об угрозе и восприятием читателя, его эмоциональным состоянием обогатит представление о речевых манипуляциях, их проявлениях и воздействиях на общество.

Изучение угрозы происходит в рамках когнитивного подхода, разрабатываемого в психологии [см.: Солсо 1996]. Его ключевые положения в том, что поведение человека полностью зависит от его познавательных способностей, способов восприятия и переработки социальной информации. Общаясь друг с другом, люди обмениваются сведениями, принимают решение, планируют свои действия, учитывая имеющуюся информацию.

Теоретической основой концептуальной схемы восприятия угрозы стали работы, посвященные моделированию образа ситуации [Завалова, Ломов, Пономаренко] человеком и саморегуляции поведения под влиянием угрозы [Конопкин 1980]. В соответствии с ними, представление человека о явлении, точнее его образ, определяет отношение к нему и последующее поведение, а реагирование человека на угрозу включает в себя следующие базовые этапы: 1) восприятие; 2) интерпретацию; 3) моделирование поведения. Преодоление угрозы может быть описано следующей последовательностью шагов: восприятие информации об угрозе перетекает в ее интерпретацию и завершается моделированием действий, направленных на ее предупреждение, избегание, минимизацию последствий.

К примеру, восприятие угрозы во время пилотирования самолета включает в себя ощущения от органов чувств, свидетельствующие о крене, тряске, сигнал датчика «отказ двигателя», изменение показателей приборов измерения давления, топлива, оборотов. Получение информации обо всех этих явлениях интерпретируется и обобщается пилотом в целостный образ нештатной ситуации и приводит к выбору определенной модели поведения. Конечно, непонимание сути сигнала, принципов работы прибора, незнание ведет к искажению представлений об угрозе и ошибкам при пилотировании. Поэтому восприятие угрозы выступает первоначальным и важным этапом реагирова-

ния на нее: от целостного образа угрозы зависят дальнейшие действия человека.

Однако получение информации об угрозе в среде Интернет или СМИ имеет, как нам представляется, некоторую специфику, изменяющую процесс ее интерпретации, так образ угрозы представлен не в сенсорном или перцептивном, а семантическом виде. Прочитывая статью, заметку, человек получает полные сведения о потенциально опасном событии, не нуждаясь в обобщении признаков, сличении их с образцом-эталоном угрозы. Человек действует, исходя из того, воспринял ли он сведения как угрозу или нет. Это зависит в том числе от отождествления с угрозой, т. е. понимания, является ли информация об опасности угрожающей читателю либо нет.

Еще одним важным этапом восприятия угрозы читателем выступает модель поведения. Она связана с угрозой и направлена на избегание либо преодоление последствий опасного события. В ситуации операторской работы модель поведения является заданной. Так, пилот или водитель знает, какие действия необходимо предпринять для выхода из опасной ситуации. В интернет-пространстве, СМИ информация об угрозе сопровождается сведениями о действиях по ее предупреждению. Например, уведомление об эпидемии сочетается с рекомендациями врачей о профилактике либо покупке лекарств, прохождении процедур. Таким образом, в отличие от действий специалиста, в примере с пилотом информация об угрозе в интернет-среде может не проверяться на истинность. Зачастую ее верификация зависит от отношения читателя к источнику информации, уровня осведомленности, способностей к анализу, жизненного опыта. В истории средств массовой информации описаны ситуации паники, возникавшие под влиянием недостоверных сообщений, например, о высадке инопланетян, состоявшихся экономических, политических событиях [Зубанова 2008].

Итак, опираясь на изложенные соображения, можно полагать, что влияние угрозы, полученной из интернет-среды или СМИ, должно изучаться с учетом: 1) восприятия информации об угрозе; 2) интерпретации читателем угрозы; 3) представления о модели поведения, направленной на преодоление, избегание угрозы. Эти области изучения легли в основу нашего исследования восприятия угрозы читателем.

Поскольку исследований со схожим планом нами обнаружено не было, для изучения угрозы была разработана процедура эксперимента, описание которой приведено ниже.

Она включала в себя собственно экспериментальную часть и сбор данных о психологических особенностях мышления испытуемых, чертах их личности. Обобщение результатов эксперимента проводится в два этапа. В рамках данной публикации будут описаны факты, связанные с восприятием и интерпретацией угрозы, без учета психологических особенностей читателей. В последующей публикации будет показано, как психологические особенности влияют на восприятие, интерпретацию угрозы и моделирование поведения.

Модель эксперимента. Изучались восприятие и интерпретация трех видов угроз: здоровью, социальному статусу, репутации — образу «я» в глазах окружающих людей. Рассматривались особенности восприятия и интерпретации образа угрозы читателем. Гипотезами исследования выступали следующие утверждения:

а) разные виды угроз различаются по точности восприятия и вызываемым у читателя эмоциям;

б) точность восприятия угроз зависит от вида эмоциональных переживаний;

в) угроза влияет на модель поведения.

Процедура эксперимента и показатели. Исследование осуществлялось посредством предъявления человеку информационного сообщения об угрозе, изучения восприятия текста угрозы, интерпретации и стратегий преодоления. Испытуемому предъявлялись три вида угроз.

1. Угроза здоровью: *Говорят, что в городе нашли новый вирус чесотки. Он поражает не всех подряд, а лишь людей с особым типом генов. Он передается даже с кипяченой водой. Симптомы — зуд, высыпания на лице, шее, животе, а у некоторых могут выпасть волосы. Вирус живет 5—6 месяцев, а потом ослабевает.*

2. Угроза социальному статусу: *Есть новость, что наш институт и, следовательно, студенческие группы скоро могут быть расформированы. Конечно, в этом случае можно легко доучиться в другом вузе, но получить менее престижный диплом.*

3. Угроза образу «я» в глазах окружающих: *Твой знакомый распространяет такие слухи, что от тебя отворачиваются близкие люди и друзья.*

Для регистрации ответов нами был разработан специальный бланк, на первом листе которого находился текст угрозы, на последующих — вопросы и задания, которые были обобщены по типам и сгруппированы в рамках одного листа. Испытуемый самостоятельно прочитывал угрозу, после чего

переворачивал лист и не обращался к нему более. Так происходило и с каждым последующим типом заданий.

На втором листе бланка находилось два задания: дословно написать, что содержалось в угрозе, а также изложить то, что понял из текста читатель. Посредством этого изучалось восприятие угрозы человеком, рассматриваемое нами как соответствие текста угрозы ее описанию читателем. Для этого использовались следующие показатели: а) количество слов, применяемых для описания; б) точность — неточность восприятия угрозы; в) сопряжение «я» и угрозы (использование личных местоимений, указаний на читателя: «я», «мой», «мне» и прочих рассматривалось как сопряжение, а их отсутствие — как различие читателя с угрозой).

На третьем листе нами анализировалось представление об угрозе, сформировавшееся у читателя посредством интерпретации информации. Для этого использовались инструкции, актуализирующие интерпретационный этап работы с информацией: «Прочитай текст, я в первую очередь подумал о...», «Пока писал, мне пришла еще мысль о...», «И напоследок...». Испытуемый следовал этим инструкциям, свободно описывал свои мысли, переживания, возникшие в связи с прочитанной угрозой. Нами оценивались четыре стратегии поведения, вызванные угрозой:

1) усиливающая опасное воздействие, т. е. **деструктивная стратегия**. Например, пренебрежение здоровьем, нападение на лицо, распространяющее слухи и сплетни о читателе, готовность отказаться от социального статуса;

2) оценивающая опасное воздействие, т. е. **реконструктивная стратегия**. Например, сбор информации о болезни, попытки понять мотивы лица, распространяющего слухи, спрогнозировать риски в связи с исключением из вуза;

3) противодействующая опасному воздействию, снижающая его последствия, т. е. **конструктивная стратегия**. Например, закупка лекарств, объяснение с друзьями, поиск новых знакомых в вузе;

4) не изменяющаяся под влиянием воздействия, т. е. **уклоняющаяся стратегия**. Здесь читатель перекладывал ответственность за противодействие угрозе с себя на окружающих, не формулировал никаких стратегий подготовки к опасному событию.

Четвертый лист бланка включал оценку эмоциональных переживаний, вызванных текстом угрозы. Для этого применялась инструкция «Какие чувства вызвала эта новость?» и форма семантического дифференциала с набором эмоциональных пере-

живаний, взятых нами из описания К. Изарда [Изард 1999]. Они, согласно автору, являются базовыми, т. е. распространены в обществе, понятны людям, легко ими выражаются и распознаются. Информация об эмоциональных переживаниях, связанных с угрозой, обобщалась путем расчета общего среднего значения по всему перечню эмоций. То есть исследователи не различали влияние угрозы на проявление отдельных эмоций, а оценивали их смещение в сторону негативных либо позитивных выражений.

Извлечение показателей из бланков осуществлялось методом контент-анализа. Для этого все бланки прочитывались экспериментаторами и на основании разработанных правил интерпретации информация заносилась в таблицу.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие студенты юридического и психологического факультетов юридического института, всего 70 человек (52 % — мужчины, средний возраст — 20 лет).

Основные результаты и их обсуждение. Опишем полученные результаты в соответствии с ранее выдвинутыми предположениями о влиянии угрозы на читателя.

1. Влияет ли вид угрозы на восприятие информации о ней и эмоциональное отношение?

Ответ на данный вопрос предполагал проведение двух видов измерений: влияния вида угрозы на восприятие и эмоциональное отношение. Рассмотрим полученные нами результаты последовательно.

1.1. Влияние вида угрозы на восприятие информации о ней. Для оценки испытуемому ставилась задача воспроизвести текст угрозы. О специфике восприятия судили по показателям: 1) количества слов, используемых для описания угрозы (больше либо меньше, чем в угрожающем сообщении); 2) точности передачи смысла угрозы; 3) использования личных местоимений при описании угрозы. Анализ осуществлялся путем оценки различий со средними значениями посредством расчета t-критерия Стьюдента.

Различия в восприятии угрозы устанавливались по показателям количества слов при описании угрозы и точности передачи смысла угрозы. Описание угрозы образу «я» в глазах других людей происходит с использованием большего количества слов, чем угрозы здоровью ($t = 4,01$; $p < 0,01$) и социальному статусу ($t = 2,75$; $p < 0,05$). Это сказывается на точности передачи смысла: угрозы образу «я» искажены в большей степени, чем угрозы здоровью ($t = -2,15$; $p < 0,05$). Причина различий в том, что угроза репутации в глазах близких людей воспринимается

испытуемыми более ярко и непосредственно, нежели угрозы здоровью или социальному положению. Для ее выражения используются слова неполностью либо контекстуально нечетко передающие смысл угрозы. Опасность здоровью и социальному статусу воспроизводилась участниками исследования точно и с минимальным количеством искажений. Интересно, что испытуемые употребляли личные местоимения при воспроизведении текста угрозы здоровью чаще, чем в ситуации угрозы межличностным отношениям ($t = 9,39$; $p < 0,01$). Это же наблюдалось при восприятии угрозы потери социального статуса ($t = 8,39$; $p < 0,01$). Можно предполагать, что эти разновидности угрозы сопровождались ассоциацией читателя с подобной опасностью, направлением угрозы в свой адрес.

Итак, угроза образу «я» в глазах окружающих воспринимается менее точно, описывается большим количеством слов по сравнению с угрозами здоровью или социальному статусу. В целом можно заключить,

что в условиях эксперимента вид угрозы влияет на точность ее восприятия. Менее точным оказалось восприятие угрозы репутации человека, более точным — угрозы здоровью и социальному статусу.

1.2. Определяются ли эмоции читателя видом угрозы? Для оценки эмоциональной реакции на угрозу использовались данные субъективного шкалирования эмоций читателями. Ответы градуировались в значениях от 1 (максимальное выражение негативного полюса эмоции) до 7 (максимальное выражение позитивного полюса эмоции; см. табл. 1), средний балл ответов по всем эмоциям составил 4,36, стандартное отклонение равнялось 0,56. Статистически эти реакции можно интерпретировать как нейтрально-негативные. Отметим показатель стандартного отклонения: он характеризует меру размаха ответов, количественно не превышающую 1 по шкале. То есть эмоциональные оценки в целом по выборке согласованные, их распределение базируется на шкале.

Таблица 1

Фрагмент бланка оценки эмоций

<i>Радость</i>	7	6	5	4	3	2	1	<i>Грусть</i>
----------------	---	---	---	---	---	---	---	---------------

Примечание: испытуемый отмечал, какую эмоцию вызвало у него сообщение об угрозе, обводя соответствующее значение на шкале.

Поскольку выражение эмоций имеет относительный характер, ценность представляют не их абсолютные значения, а разница между реакциями на виды угроз. В частности, установлено, что угрозы потери социального статуса воспринимаются наиболее негативно (средний балл — 4,23) по сравнению с угрозами здоровью (средний балл — 4,31) или образу «я» в глазах окружающих (средний балл — 4,58).

Статистический анализ показал, что эмоции зависят от вида угрозы, но опосредующим фактором, влияющим на их проявление, является пол испытуемых. Так, угрозы образу «я» у мужской части выборки вызывают положительные эмоции: их оценки чаще склоняются к положительному диапазону проявления эмоций, чем у девушек, негативно оценивающих угрозу своей репутации. Вероятно, это объясняется влиянием культурных особенностей восприятия социальных отношений молодежью данного возраста. Девушки более сфокусированы на самопрезентации, нежели их сверстники противоположного пола, и, соответственно, склонны болезненно реагировать на негативную оценку собственных качеств. Юноши негативно воспринимают угрозы своему социальному статусу и здоровью.

2. Какие параметры восприятия угрозы определяются эмоциями читателя? Посредством однофакторного дисперсионного анализа установлено, что эмоциональные реакции влияют на точность восприятия читателем всех угроз в эксперименте. Но эмоции оказывают сложное влияние на точность. Отчасти оно определяется модальностью эмоции: одни эмоции способствуют детальности и полноте восприятия, другие затрудняют его. Отчасти на точность влияет уровень выраженности: чем менее эмоциональным является читатель, тем точнее он передает угрозу. В целом не все эмоциональные проявления влияют на восприятие информации и не всегда их яркое, сильное выражение влияет на точность восприятия. Посмотрим подробнее применительно к видам угроз.

2.1. Угроза болезни. Лучшему восприятию информации о болезни способствует страх: чем страшнее казалась угроза, тем точнее описывалась болезнь, ее признаки ($F = 2,01$, $p < 0,05$).

2.2. Угроза социальному статусу. Точности передачи информации об опасности социальному статусу в эксперименте способствуют эмоции печали ($F = 5,64$, $p < 0,01$) и гнева ($F = 8,07$, $p < 0,01$). Их проявления

схожи, но сочетания не имеют статистически значимого совокупного эффекта. Другими словами, часть опрошенных точно передает информацию под влиянием печали, часть — под влиянием гнева, но наличие обеих эмоций у одного испытуемого не влияют на точность восприятия угрозы. Важно и то, что максимальная точность характерна для крайнего выражения эмоций: испытуемые, выразившие крайнюю степень негодования, были наиболее точны и детальны в передаче признаков угрозы.

2.3. Угроза образу «я» в глазах окружающих воспринимается точнее в связи с подавлением эмоции радости ($F = 2,69$, $p < 0,05$), снижением уровня печали ($F = 2,67$, $p < 0,05$). Получается, что на точность влияет не характер эмоции, а уровень ее проявления для данной модальности. Чем нейтральнее эмоциональное переживание радости и печали, тем правильнее воспринимается опасность угрозы утраты репутации.

Обобщая, отметим, что понимание угрозы зависит от различных видов эмоций, а также связано с уровнем их проявления: сильные эмоции печали и гнева делают восприятие опасности потери социального статуса более точным, а риск утраты репутации, напротив, четче воспринимается более спокойными, нежели радостными либо печальными испытуемыми.

3. Влияет ли угроза на модель поведения? В ходе контент-анализа впечатлений читателя мы обращали внимание на то, какую стратегию поведения выберет читатель, оказавшийся под воздействием угрозы. Сравнение средних значений показывает, что большинство испытуемых выбирает конструктивную стратегию поведения в ответ на

все виды угроз в эксперименте. Такая модель поведения нацелена на сбор дополнительной информации, ее обсуждение и оценку (см. табл. 2).

Как следует из таблицы, деструктивные стратегии связаны с угрозами репутации человека. Для остальных видов угроз действия, способствующие возникновению опасности, повышающие тяжесть ее последствий, не обнаружены. Это объяснимо готовностью людей защищать представление о себе и наносить вред человеку, который посягает на него. Поэтому оскорбления, сплетни близких друзей вызывают у опрошенных нами лиц стремление ответить им тем же.

Подчеркнем обнаруженную роль эмоций, вызванных прочтением сообщения об угрозе, в формировании поведения участников эксперимента. Позитивные эмоции в ответ на угрозы социальному статусу и образу «я» в глазах окружающих способствуют формированию конструктивных моделей поведения, а негативные — реконструктивных. В ситуации риска здоровью реконструктивные модели связаны с сильным проявлением эмоций любой модальности, а конструктивные модели поведения формулируются испытуемыми, находящимися в уравновешенном состоянии.

Можно предполагать, что эмоции вносят моделирующий вклад в формирование образа поведения. Проявление позитивной или негативной модальности, а также их степень (от сильной до нейтральной) влияют на испытуемых и меняют их поведение в ответ на угрозу [Baron, Kenny 1986]. Впрочем, это предположение основано на результатах интерпретации и нуждается в более тщательной эмпирической проверке на более представительной выборке.

Таблица 2

Выбор моделей поведения под влиянием угрозы, %

Угроза:	Модели поведения			
	деструктивная, усиливающая воздействие	реконструктивная, оценивающая воздействие	конструктивная, противодействующая воздействию	уклоняющаяся, не изменяющаяся
здоровью	0	16	43	36
социальному статусу	0	10	59	30
образу «я» в глазах окружающих	5	15	26	16

Примечание: часть испытуемых не назвала модель поведения, поэтому сумма процентов не равна 100.

Заключение. Цель статьи заключалась в изучении последствий чтения информации, содержащей в себе угрозу. Для этого был проведен эксперимент, в котором его участникам предъявлялись к прочтению три разновидности угроз: здоровью, социальному статусу, образу «я» в восприятии окружающих. Было установлено, что восприятие угрозы не является однотипным. Так, на точность восприятия влияет характер угрозы, а на эмоциональное состояние дополнительно воздействуют пол и возраст испытуемых. Угрозы образу «я» у девушек вызывают негативные эмоции, юноши более негативно воспринимают угрозы своему социальному статусу и здоровью.

Эмоции, вызываемые информационной угрозой, оказывают влияние на ее восприятие и формирование модели совладающего поведения. Однако это влияние является сложным: угрозы здоровью воспринимаются точнее, если сопровождаются страхом, риск социальному статусу сочетается с гневом и печалью, угрозы репутации воспринимаются точнее и адекватнее, если человек находится в нейтральном, уравновешенном состоянии.

Угрозы влияют на модели поведения: преобладающий вес имело реконструктивное поведение, означающее стремление собрать больше информации об угрозе, причине ее возникновения, реалистичности осуществления. Большую роль в формировании образа поведения играют сила эмоции и ее модальность. Позитивные эмоции способствуют конструктивному, совладающему поведению, а негативные — реконструктивному, поисковому.

Общим результатом исследования стало представление о сложности и неоднородности воздействия угрозы в информационном пространстве на читателя. Полученные нами результаты выходят за рамки поставленных гипотез, поэтому их обсуждение будет продолжено в дальнейших работах.

Становится понятно, что в условиях пилотного исследования результаты работы нуждаются в дополнительных уточнениях концептуального и методического характера.

С концептуальной позиции становится понятно, что чтение текста — неокончательный этап понимания угрозы читателем, не установленное, но, вероятно, существенное значение может иметь время обдумывания, а также процедура осмысления. Угрозы воспринимаются неоднородно: испытуемые по-разному относятся к прочитанному ими, в том числе и несерьезно. Недостаточно освещена роль текста, содержащего угрозу, и контекста его предъявления.

Практически не выяснена позиция адресата, ситуация, в которой читатель относит себя к жертве угрозы. Это, видимо, может оказывать влияние на восприятие и интерпретацию опасной информации. Поэтому в дальнейших публикациях нами будет сделан акцент на влиянии психологических качеств читателя на интерпретацию информации с угрозой.

С методической точки зрения эксперимент должен дополниться группой испытуемых более зрелого возраста, которая будет контрастировать с выборкой студентов. Необходимо включать процедуры рандомизации предъявления угроз для избегания эффектов последовательности, сочетать их восприятие с самоотчетом участников экспериментов для контроля реалистичности угрозы.

Вместе с тем авторы работы надеются, что их усилия будут способствовать повышению интереса научного сообщества к исследованиям речевых манипуляций и воздействия на читателя информационной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардавов М. М. Влияние средств массовой информации на оперативную обстановку // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 5-1. С. 69—74.
2. Быстров В. В. Функционально-семантический анализ меназивных диалогических реплик : дис. ... канд. филол. наук. — Тверь : ТвГУ, 2001. 124 с.
3. Дружинин А. М. Интернет-телевидение в системе политических коммуникаций // Век качества : электр. науч. журн. 2016. № 1. С. 58—71. URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2016/116007.pdf>.
4. Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. — М. : Наука, 1986.
5. Злоказов К. В., Рыбьякова Е. А., Степанов Р. И. Анонимная угроза и план ее воплощения: экспериментальное исследование представлений автора // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 225—231.
6. Зубанова Л. Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2008. № 2 (14). С. 6—17.
7. Изард К. Э. Психология эмоций : пер. с англ. — СПб. : Питер, 1999. 464 с.
8. Казанцев С. Я., Згадзай О. Э. Экономическая преступность в IT-сфере. Новые угрозы и необходимые ответы // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2011. № 1 (3). С. 30—36.
9. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. — М. : Наука, 1980. 255 с.
10. Куракин Н. О. Новейшие тренды интернет-технологий на выборах депутатов ГД ФС РФ 18 сентября 2016 г. // PRO NUNC: современные политические процессы. — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2016. № 1 (16). С. 196—203.
11. Маркетинг в социальных медиа. Интернет маркетинговые коммуникации : учеб. пособие / В. П. Тихомиров, Н. В. Тихомирова, Л. А. Данченко, П. Ю. Невоструев, Л. В. Ласковец, С. В. Мхитарян, А. В. Нетесова, А. И. Евдокимчик, Т. В. Дейнекин, А. В. Москва ; под ред. Л. А. Данченко. — СПб. : Питер, 2013.
12. Никитина И. А. Финансовое мошенничество в сети Интернет // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2010. № 337.
13. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. 1996. 600 с.
14. Baron R. M., Kenny D. A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic,

and statistical considerations // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1986. 51 (6). 1173—1182.

15. Bourdieu P. Language and symbolic power. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Pr., 1991.

16. Fraser B. Warning and threatening // *Centrum*. 1975. № 3 (2). P. 169—180.

17. Meloy J. R., Mohandie K., Green M. A forensic investigation of those who stalk celebrities // *Stalking, threatening, and attacking public figures: A psychological and behavioral analysis* / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). 2008. P. 37—54.

K. V. Zlokazov

St. Petersburg, Russia

T. I. Kolmykova, E. A. Rybyakova, R. I. Stepanov

Ekaterinburg, Russia

PERCEPTION OF THREAT IN INFOSPHERE BY THE READER: EXPERIMENTAL RESEARCH RESULTS

ABSTRACT. The paper discusses the problem of perception of threat in infosphere by the readers. It is shown that threat is a verbal manipulation act and it often aims at persuasion of the reader to change their behavior. The paper describes the procedure and results of experiment, where the tested students were given three information messages containing threat to health, social status and reputation. 70 students took part in the experiment (52% - men, $M = 20$, $\sigma = 1,1$). The accuracy of threat perception was studied, including understanding of its essence, as well as emotions caused by the threat.

The results show that perception of different threats is not always the same and it depends on two groups of variables. They influence the accuracy of threat perception and the image of behavior to cope with the threat. The first group of variables is determined by the social and cultural features of the tested students, as well as their gender and age. It influences reputation threat of females and health and social status threat of males. The second group of variables is determined by emotions. It is proved that threat to health becomes clearer if accompanied by fear; the threat to social status is more obvious if accompanied by anger and grief, the threat to reputation is realized better if the person is balanced and doesn't have any sharp emotions.

Finally, it is argued that the wide-spread model of behavior in response to threat is the search for information about the threat, its causes and potential influence. The strength of emotion and its modality are important for the choice of behavior. Positive emotions promote constructive and coping behavior, while negative emotions give rise to deconstructive behavior.

KEYWORDS: informational threat; information space; information perception; negative impact; models of behavior; experimental research.

ABOUT THE AUTHORS: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of General Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia.

Kolmykova Tatiana Ilyinichna, Cadet of the Faculty of Investigators, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

Rybyakova Ekaterina Alekseevna, Cadet of the Faculty of Investigators, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

Stepanov Roman Ivanovich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Psychology of Official Activities and Pedagogy, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Ardavov M. M. Vliyaniye sredstv massovoy informatsii na operativnuyu obstanovku // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2016. № 5-1. S. 69—74.

2. Bystrov V. V. Funktsional'no-semanticheskiy analiz menasivnykh dialogicheskikh replik : dis. ... kand. filol. nauk. — Tver' : TvGU, 2001. 124 s.

3. Druzhinin A. M. Internet-televidenie v sisteme politicheskikh kommunikatsiy // *Vek kachestva : elektr. nauch. zhurn.* 2016. № 1. S. 58—71. URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2016/116007.pdf>.

4. Zavalova N. D., Lomov B. F., Ponomarenko V. A. Obraz v sisteme psikhicheskoy regul'yatsii deyatel'nosti. — M. : Nauka, 1986.

5. Zlokazov K. V., Ryb'yakova E. A., Stepanov R. I. Anonimnaya ugroza i plan ee voploshcheniya: eksperimental'noe issledovanie predstavleniy avtora // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 4 (58). S. 225—231.

6. Zubanova L. B. Sovremennoe mediaprostranstvo: podkhody k issledovaniyu i printsipy interpretatsii // *Vestn. Chelyab. gos. akad. kul'tury i iskusstv*. 2008. № 2 (14). S. 6—17.

7. Izard K. E. Psikhologiya emotsiy : per. s angl. — SPb. : Piter, 1999. 464 s.

8. Kazantsev S. Ya., Zgadzay O. E. Ekonomicheskaya prestupnost' v IT-sfere. Novye ugrozy i neobkhodimye otvety // *Vestn. Kazan. yurid. in-ta MVD Rossii*. 2011. № 1 (3). S. 30—36.

9. Konopkin O. A. Psikhologicheskie mekhanizmy regul'yatsii deyatel'nosti. — M. : Nauka, 1980. 255 s.

10. Kurakin N. O. Noveyshie trendy internet-tekhnologiy na vyborakh deputatov GD FS RF 18 sentyabrya 2016 g. // *PRO NUNC: sovremennye politicheskie protsessy*. — Tambov : Izd-vo TGU, 2016. № 1 (16). S. 196—203.

11. Marketing v sotsial'nykh media. Internet marketingovye kommunikatsii : ucheb. posobie / V. P. Tikhomirov, N. V. Tikhomirova, L. A. Danchenok, P. Yu. Nevostruev, L. V. Laskovets, S. V. Mkhitarian, A. V. Netesova, A. I. Evdokimchik, T. V. Deynekin, A. V. Moskave ; pod red. L. A. Danchenok. — SPb. : Piter, 2013.

12. Nikitina I. A. Finansovoe moshennichestvo v seti Internet // *Vestn. Tomsk. gos. un-ta*. 2010. № 337.

13. Solso R. L. Kognitivnaya psikhologiya. 1996. 600 s.

14. Baron R. M., Kenny D. A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1986. 51 (6). 1173—1182.

15. Bourdieu P. Language and symbolic power. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Pr., 1991.

16. Fraser B. Warning and threatening // *Centrum*. 1975. № 3 (2). P. 169—180.

17. Meloy J. R., Mohandie K., Green M. A forensic investigation of those who stalk celebrities // *Stalking, threatening, and attacking public figures: A psychological and behavioral analysis* / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). 2008. P. 37—54.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.